

Справедливость и позитивное право: проблемы соотношения в русской философии права второй половины XIX — первой половины XX в.

Аннотация. Статья посвящена анализу вопросов соотношения справедливости и позитивного права в русской философии права второй половины XIX — первой половины XX в. Рассматриваются взгляды представителей социологии права (Л. И. Петражицкий, М. А. Рейснер, С. А. Муромцев) и сторонников естественного права (Б. Н. Чичерин, П. И. Новгородцев, В. С. Соловьев). Представители психологической школы права (Л. И. Петражицкий, М. А. Рейснер) рассматривают справедливость как интуитивное право и в этом смысле противопоставляют ее позитивному праву, не отрицая при этом определенной взаимосвязи между ними. С. А. Муромцев, классик отечественной социологии права, ищет центр тяжести справедливости в общественных отношениях. Для Б. Н. Чичерина как активного поборника философско-правовой методологии и защитника теории естественного права справедливость коренится в разуме человека, выступая как инструмент оценки позитивно-правовых установлений. Сторонники неокантианской философии права (П. И. Новгородцев, В. С. Соловьев) обосновывают правомерность критики позитивного права с точки зрения априорных принципов нравственности, являющихся неотъемлемой частью сознания человека как разумного морального существа. Также уделяется внимание некоторым современным проблемам теории права: в частности, ставится вопрос о допустимости и обоснованности существования так называемых оценочных категорий в современном российском законодательстве, к числу которых относится и справедливость.

Ключевые слова: справедливость, философия права, социология права, позитивное право, Петражицкий, Рейснер, Муромцев, Чичерин, Новгородцев, Соловьев.

DOI: 10.17803/1994-1471.2017.79.6.064-072

Русская философия права второй половины XIX — первой половины XX в. подарила миру множество ярких и оригинальных идей о смысле права, его назначении в обществе, соотношении с иными социальными регуляторами. Не является исключением и тема справедливости — о ней в этот период рассуждали с самых разнообразных точек зрения. Наиболее развернутую систему представлений

о соотношении справедливости как совокупности представлений о должном правопорядке и позитивного права предложили представители психологической школы права — Л. И. Петражицкий и М. А. Рейснер.

Классифицируя право на позитивное и интуитивное, Петражицкий относит справедливость к разряду последнего: «Справедливость представляет не что иное, как право в нашем

© Табаков А. Л., 2017

* Табаков Александр Леонидович, аспирант кафедры теории государства и права и политологии юридического факультета Московского государственного университета имени М.В.Ломоносова
alexander.tabakov@mail.ru
119991, Россия, г. Москва, Ленинские горы, д. 1

смысле, а именно интуитивное право». Иначе говоря, справедливость, по Петражицкому, основывается не на нормативных фактах, а на индивидуальных суждениях людей — она имеет автономный характер, разнородное содержание, развивается спонтанно и гибко реагирует на меняющиеся внешние условия¹.

Коль скоро, по словам Петражицкого, учение о справедливости есть учение об интуитивном праве, то все признаки последнего равным образом относятся и к справедливости. Таким образом, согласно взглядам ученого, можно выделить следующие ее особенности.

Во-первых, индивидуальный характер норм справедливости: если позитивное право в силу его определяемости внешними фактами воспринимается людьми как «однообразный шаблон правил», то справедливость, выраженная интуитивным правом, определяется в зависимости от разнообразных факторов жизни каждого человека (особенности его личности, воспитания, образования, социального статуса). При этом общность этих факторов, наблюдаемая в рамках той или иной социальной группы, нередко приводит и к общности представлений о справедливости — в этом случае можно говорить о том, что имеют место представления о справедливости той или иной семьи, класса².

Во-вторых, справедливость, по сравнению с позитивным правом, значительно лучше приспособлена к учету различных нюансов общественных отношений и конкретных обстоятельств того или иного юридического спора. Если позитивное право, стесненное «предустановленным шаблоном» различных предписаний закона, неизбежно стремится к унификации и стандартизации общественных отношений, то свободная от воздействия каких-либо внешних факторов справедливость в своем решении способна гораздо ближе подойти к сущности той или иной коллизии³.

В-третьих, справедливость выгодно отличается от позитивного права характером развития: для последнего присуще, в силу его

определяемости нормативными фактами (зачастую имевшими место в далеком прошлом), отставание от потребностей динамично развивающихся общественных отношений. В то же время, поскольку в сфере законодательства нормативные факты нередко подвержены свободному усмотрению и произволу, позитивное право может, напротив, действовать с опережением развития общества — в этом случае будут отсутствовать необходимые условия для адекватной работы позитивного права. Справедливость, в отличие от последнего, не подвержена ни «окаменению», ни чьему-либо произвольному вмешательству и, как следствие, развивается «закономерно-постепенно». Однако, отмечает Петражицкий, это свойство справедливости отнюдь не свидетельствует о том, что она всегда более совершенна по содержанию, чем позитивное право. Обладающая индивидуальным характером предписаний справедливость может быть подвержена определенной патологии развития (например, в случае «неудачного правового воспитания»). Представления о справедливости той или иной социальной группы имеют тенденцию к гипертрофированному выражению собственных интересов в ущерб интересам других социальных групп. Позитивное право, в свою очередь, нередко отражает идеи наиболее просвещенных классов общества (в частности, норма позитивного права может устанавливать равенство супругов, а требования справедливости (интуитивного права) могут призывать к физическому насилию в отношении жены)⁴.

В-четвертых, справедливость, в отличие от позитивного права, свободна от каких бы то ни было ограничений ее применения, поскольку обязательность интуитивно-правовых норм не зависит от времени появления нормативных актов, лица, их издавшего, и территории, на которую распространяется их действие. С этим связано особое психическое отношение людей к нормам справедливости как к безусловно истинным, правильным самим по себе.

¹ Петражицкий Л. И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. СПб., 2000. С. 404. Подробнее о различиях между позитивным и интуитивным правом в теории Л. И. Петражицкого см., например: Валицкий А. Философия права русского либерализма. М., 2012. С. 305—307.

² Петражицкий Л. И. Указ. соч. С. 382—383.

³ Петражицкий Л. И. Указ. соч. С. 383—384.

⁴ Петражицкий Л. И. Указ. соч. С. 384—386.

Более того, отмечает Петражицкий, правовые эмоции в сфере справедливости достигают значительно большей степени интенсивности, чем в сфере позитивного права, осознание субъектом своих прав и обязанностей сопровождается высоким эмоциональным подъемом, граничащим подчас с фанатизмом. На этом основании с позиции справедливости «как некоего высшего масштаба и критерия» может осуществляться критика позитивного права⁵.

С учетом вышеизложенного Петражицкий приходит к выводу о том, что справедливость обладает, по сравнению с позитивным правом, гораздо более мощными рычагами воздействия на индивидуальное и массовое поведение людей, на различные аспекты социальной жизни и общество в целом. Значительный сегмент общественных отношений, утверждает правовед, вообще не подлежит позитивно-правовому регулированию, а в тех областях, где эти нормы действуют, люди в первую очередь опираются на свои представления о справедливости. Вместе с тем есть и такие сферы жизни, где справедливость бессильна что-либо регулировать.

По мнению Петражицкого, граница между областями действия справедливости и позитивного права пролегает следующим образом: нормы справедливости применяются в тех случаях, когда речь идет о распределении добра и зла (иначе говоря — определенных благ и тягот) между субъектами, нормы позитивного права — когда появляется необходимость урегулирования каких-либо формальных, технических вопросов, безразличных с точки зрения добра и зла, но необходимых с позиции целесообразности. Например, к первой группе можно отнести вопросы распределения налогового бремени, долей наследства, служебных наград и взысканий, ко второй — порядок составления и утверждения государственного бюджета, охраны наследства, назначения на те или иные должности⁶.

Пристальное внимание Петражицкий уделяет вопросу соотношения справедливости и позитивного права. С одной стороны, полагает мыслитель, между ними «имеется и должно иметься согласие по содержанию в главных

основах, в общем и основном направлении» — в противном случае действующий правовой порядок не имел бы надлежащей опоры и рано или поздно оказался бы сметен социальной революцией. С другой стороны, неизбежны «частные разногласия» между справедливостью и позитивным правом ввиду вышеописанных различий: индивидуального характера норм справедливости, более закономерного развития и большей гибкости ее по сравнению с позитивным правом. Чем большей пестроты достигает состав народонаселения с точки зрения национальности, религии, уровня воспитания, классовых интересов и т.д., тем больше поводов для коллизий позитивного права и справедливости вследствие разнообразного понимания последней. Чем большей косности или произволу подвержено развитие позитивного права, тем чаще возникают так называемые эволюционные конфликты между ним и справедливостью. Наконец, чем сильнее стремление позитивного права к унификации и стандартизации общественных отношений, тем неизбежнее протесты со стороны справедливости в ходе разрешения тех или иных юридических споров. Таким образом, делает вывод Петражицкий, история того или иного государства свидетельствует о том, что его развитию сопутствуют колебания между минимальным и максимальным пределами разногласия справедливости и позитивного права. Социальная стабильность, отмечает правовед, напрямую зависит от того, насколько минимален этот предел⁷.

Несмотря на то, что справедливость в учении Л. И. Петражицкого обладает рядом неоспоримых преимуществ по сравнению с позитивным правом, мыслитель далек от апологетики справедливости и принижения роли позитивного права в регулировании общественных отношений. Констатируя постепенное уменьшение области действия позитивного права в пользу расширения сфер влияния справедливости, ученый пишет о том, что без позитивного права стабильный социальный порядок немислим, поскольку справедливость бессильна обеспечить четкое правовое нормирование в тех сфе-

⁵ Петражицкий Л. И. Указ. соч. С. 386—388.

⁶ Петражицкий Л. И. Указ. соч. С. 388—390.

⁷ Петражицкий Л. И. Указ. соч. С. 392—394.

рах общественной жизни, где это необходимо⁸. Кроме того, Петражицкий негативно относится к тому, что Россия, по его собственному выражению, является «царством интуитивного права по преимуществу». Такое положение дел, полагает правовед, в условиях российской действительности означает не что иное, как повсеместный правоприменительный произвол, и свидетельствует о чрезвычайно низкой правовой культуре населения. Иными словами, Петражицкий возлагает большие надежды на внедрение передового позитивного права, способного стимулировать прогресс в области воззрений на справедливость⁹.

М. А. Рейснер как сторонник психологической теории Петражицкого полностью разделяет его точку зрения на интуитивное право как на воплощение справедливости. Проблему соотношения интуитивного права (справедливости) и положительного права Рейснер называет одной из ключевых. При этом правовед высказывает ряд критических замечаний на точку зрения Петражицкого по этому вопросу. Во-первых, пишет ученый, Л. И. Петражицкий не вполне последователен там, где он приходит к выводу о возможности сосуществования интуитивного права (справедливости) и позитивного: коль скоро основатель психологической школы права полагает неизбежным конфликт между тем и другим правом «по самой природе вещей», недопустимо закрывать глаза на непримиримые различия между ними. Даже на общей почве правовой психики, считает Рейснер, интуитивное и позитивное право следует различать как имеющие под собой совершенно разные источники мотивации. Как следствие, ни о каком мирном сосуществовании не может идти речи — позитивное право либо воспринимает требования «правды-справедливости», обозначаемые интуитивным правом, либо вытесняется им. В подтверждение своих слов ученый демонстрирует на различных примерах, что интуитивное право имеет собственные сферы применения, в которые позитивное право не может вторгаться: к таковым относятся, к примеру, «область литературной и художественной

критики, жизнь семьи и школы, область наложения уголовных наказаний», а также «свободное творчество управления, свободное усмотрение администрации и дискреционная власть»¹⁰. Иначе говоря, Рейснер как социолог достаточно четко фиксирует, что правоприменительная деятельность — весьма благоприятная среда для существования справедливости.

Кроме того, особой сферой бытия интуитивного права (справедливости) правовед называет «область оценки и распределения хозяйственных благ и общественного властвования». Отталкиваясь от основных положений теории Петражицкого, Рейснер описывает распределяющий и организующий аспекты права. Его роль заключается, во-первых, в распределении хозяйственных благ между индивидами и коллективами, что определяет социальную принадлежность этих благ. Во-вторых, право призвано организовывать индивидуальное и массовое поведение, что выражается в построении отношений власти и подчинения. Интуитивное право (справедливость), по мысли Рейснера, играет специфическую роль в вышеописанных процессах, регулируя распределение благ и тягот между субъектами: «Справедливость <...> становится за спиной распределяющего права и независимо от той или другой положительной нормировки решает вопрос о том, кому и сколько “по совести”, “по правде” надлежит и какое зло, тягость или мучение “по правде” тому или другому причитаются»¹¹. И лишь в части «административной техники, формального порядка, должности и службы, механической организации коллективного труда» интуитивное право уступает место позитивному — «молчит за отсутствием поводов интуитивно-правовая совесть». Таким образом, мыслитель четко фиксирует, что справедливость есть категория коллективного существования людей, так как является мерой распределения благ и тягот. Другими словами, речь о справедливости заходит тогда, когда встает вопрос о распределении тех или иных ресурсов (экономических, социальных, духовных и т.д.) между людьми.

⁸ Петражицкий Л. И. Указ. соч. С. 390—392.

⁹ Петражицкий Л. И. Указ. соч. С. 490—508.

¹⁰ Рейснер М. А. Теория Л. И. Петражицкого, марксизм и социальная идеология. СПб., 1908. С. 90.

¹¹ Рейснер М. А. Указ. соч. С. 92.

Рейснер убежден, что конфликты и противоречия — естественное и неизбежное состояние взаимоотношений интуитивного права и позитивного. Склонное костенеть и отставать от жизни позитивное право никогда не может удовлетворить интуитивно-правовые ожидания всех субъектов права. Разнообразное и пестрое, интуитивное право (справедливость) развивается непрерывно и постепенно. Смягчение коллизий между ними происходит лишь тогда, когда интуитивное право приобретает реальную возможность влияния на развитие позитивного права, выступая тем самым источником реформирования последнего. Встречая «особенно сильное сопротивление со стороны старого порядка», «эмоция справедливости» достигает наивысшего напряжения. В этом случае лица, интуитивно-правовые ожидания которых оказываются неоправданными, становятся яростными и фанатичными противниками существующего строя, что неизбежно приводит к революции. Своеобразным союзником справедливости в этом деле является нравственное разложение, которое с неизбежностью наступает в среде защитников позитивного права, отжившего свой век. К другим функциям интуитивного права относятся влияние на толкование и применение позитивного права, а также на формирование правовой доктрины.

Идеи Петражицкого и Рейснера относительно соотношения справедливости и позитивного права очень близки взглядам классиков социологии права. Так, С. А. Муромцев резко противопоставляет право и справедливость. По мнению мыслителя, если право можно охарактеризовать как нечто непреклонное и строгое, то справедливость, напротив, есть нечто снисходительное и тягучее; право интересуется формальной стороной вопроса, справедливость — содержательной; право опирается на логику, справедливость — на нравственное чувство; право отражает интересы государства и стремится к его защите, справедливость выражает чаяния всего народа и ориентируется на человеческие потребности; право эгоистично, справедливость альтруистична; право —

продукт сознательной деятельности человека, справедливость — «голос разума природы, откровение разума божественного»¹².

Как представитель социологической школы права С. А. Муромцев при анализе права акцентирует внимание не на юридических нормах, а на фактических общественных отношениях, главное действующее лицо — не законодатель, который исходит из усредненного типа людей, вещей и отношений, а правоприменитель, приспособляющий абстрактные положения закона к реальной жизни. Аналогичным образом социолог права рассуждает и о справедливости — ее подлинный смысл нельзя обнаружить в «сухих» нормах законодательства, он кроется в самой жизни: «Задача судьи состоит в том, чтобы в каждом отдельном случае определить, в какой степени обнаружены в нем типичные свойства, к которым относится норма, и не изменяется ли в чем-либо их значение вследствие присутствия особенностей, не предусмотренных нормой. Судья осуществит справедливость, если согласует свое решение вполне со всеми особенностями случая, который он разрешает. Он должен применить норму именно в той степени, в которой случай характеризуется типичными свойствами, служащими основанием нормы (индивидуализация решений)»¹³.

Таким образом, справедливость, во-первых, изначально заложена в общественных отношениях, во-вторых, является результатом деятельности судьи (и любого субъекта правоприменительной деятельности), поскольку в его решении получает действительное выражение. Препятствием к этому, как отмечает Муромцев, может быть умысел правоприменителя или, что бывает гораздо чаще, его ошибка, обусловленная как его личными качествами, так и общими условиями деятельности. Кроме того, несовершенство человеческого рода устанавливает известный предел возможностям человека, который не в силах преодолеть даже самый талантливый судья.

Таким образом, Муромцев нащупывает подлинные противоречия права как регулятора общественных отношений. С одной стороны,

¹² Муромцев С. А. Право и справедливость // Сборник правоведения и общественных знаний. Т. 2. СПб., 1998. С. 8—9.

¹³ Муромцев С. А. Определение и основное разделение права. СПб., 2004. С. 148.

закон (в самом широком смысле) как установленное или санкционированное государством правило поведения, в силу абстрактности своих положений, зачастую оказывается бессилен определить справедливое решение того или иного спора. С другой стороны, субъект правоприменительной деятельности, который призван с учетом всех нюансов дела выявить справедливость, также далеко не всегда бывает готов к этому. Эта проблема является актуальной и по сей день, ее причины, как пишут современные авторы, заключаются в том, что правоприменитель (особенно в условиях современной российской действительности) отнюдь не всегда обладает достаточным уровнем правовой культуры, правосознания и юридической квалификации, которые позволили бы выйти за рамки догмы права¹⁴.

Не обошли вниманием данную проблему и сторонники естественного права. Несовершенство законодательства, пишет Чичерин, обусловленное неспособностью его абстрактных положений предусмотреть все возможные жизненные коллизии, приводит к выводу о том, что в правоприменительной деятельности, помимо буквы закона, следует руководствоваться справедливостью как высшим разумным началом: «Если к разнообразию жизненных явлений прилагать одну строгую мерку положительно права, то придется иногда отнять у человека то, что принадлежит ему по существу дела, хотя и не по букве закона. Отсюда римское изречение: *summum jus — summa injuria*. Тут на помощь приходит естественная справедливость (*aequitas*), в отличие от строгого права. Она состоит в примирении противоборствующих притязаний и в стремлении оказать уважение обоим волям, добросовестно проявляющим свою деятельность во внешнем мире. Нередко самый закон принимает во внимание эти столкновения и полагает соответствующие нормы; но еще чаще это делает суд, который этим путем смягчает строгие требования права естественной справедливостью»¹⁵.

Несколько иной подход демонстрируют представители неокантианской философии права. Они связывают возможность критики позитивного права с позиции справедливости не просто с разумом, а с априорными нравственными принципами. Один из возможных вариантов понимания справедливости В. С. Соловьев формулирует как *legalitas*, что означает подчинение действующему позитивному праву. Этот подход, по мнению Соловьева, всецело применим лишь к законам, «исходящим от Божественного совершенства», поскольку лишь они выражают высшую правду. В отношении законов, имеющих своим источником человеческую волю, следует выяснять, соответствуют ли они этой высшей правде. Иначе говоря, справедливость как *legalitas* может быть или не быть добродетелью в зависимости от характера позитивного закона: «Ибо источник человеческих законов — источник смутный. Прозрачная струя нравственной правды едва видна в нем под наносом других, чисто исторических элементов, выражающих только фактическое соотношение сил и интересов в тот или другой момент»¹⁶. Отсюда — риск превращения позитивного закона в высшую несправедливость (*summum jus — summa injuria*). В подтверждение своей позиции мыслитель приводит пример Антигоны, отказавшейся подчиниться «нечестивому и бесчеловечному, однако легально-справедливому закону», запрещавшему погребать ее родного брата во имя исполнения нравственной обязанности.

Одна из главных потребностей динамично развивающегося современного правопорядка, пишет Новгородцев, состоит в твердости и определенности юридических норм, предписывающих абстрактные общие правила для частных случаев. Позитивный момент таких свойств позитивного права состоит в воспрепятствовании произволу, негативный — в том, что нарушается живая связь права и нравственности, характерная для первобытного общества. Поскольку в то время отсутствовали писанные

¹⁴ См., например: *Ряпина А. С.* Оценочные категории: общетеоретический и нравственно-правовой аспекты : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2013. С. 14 ; *Петраков С. В.* Тенденции использования оценочных категорий и понятий в ходе нормотворческой деятельности // *Журнал правовых и экономических исследований*. 2013. № 2. С. 58.

¹⁵ *Чичерин Б. Н.* Философия права. М., 2011. С. 101.

¹⁶ *Соловьев В. С.* Оправдание добра. М., 2010. С. 187—191.

нормы, постольку право и нравственность имели своим источником лишь сознание людей, а значит — не могли противоречить друг другу. С появлением твердых и определенных правовых норм право «отрывается от своего жизненного корня». Насколько бы технически совершенной ни была законодательная норма, ее формально-абстрактная сущность, вследствие которой она оказывается не в силах учесть особенности конкретных жизненных коллизий, остается неизменной. Отсюда — возникновение неизбежных противоречий между позитивным правом и справедливостью (*summum jus — summa injuria*), что неизбежно влечет за собой критику первого со стороны нравственного сознания: «С этой точки зрения естественное право представляет собою протест целостного и живого нравственного сознания против абстрактных постановлений закона»¹⁷.

Несовпадение права и закона — вопрос дискуссионный. Вышеописанные позиции различных авторов дают основательную пищу для размышлений по этой теме. Трудно спорить с тем, что сугубо формальные юридические предписания далеко не всегда могут соответствовать как потребностям динамично развивающихся общественных отношений, так и требованиям человеческого разума. В первом случае эта

проблема объясняется с точки зрения социологии права (Л. И. Петражицкий, М. А. Рейснер, С. А. Муромцев), во втором — с позиции естественного права (Б. Н. Чичерин, В. С. Соловьев, П. И. Новгородцев). Если обратиться к современному российскому законодательству, то можно обнаружить, что его положения пестрят наличием так называемых оценочных категорий, к числу которых относится и справедливость. Представляется, что их существование неизбежно по той причине, что общественные отношения представляют собой чрезвычайно сложную и многообразную систему, которая с каждым днем отнюдь не упрощается, и законодатель просто не в состоянии предусмотреть все ситуации, которые могут возникнуть на практике — это вынуждает его подходить к некоторым понятиям предельно абстрактно¹⁸. Конституционный Суд РФ разъяснил, что «использование в норме оценочных понятий не свидетельствует о неопределенности ее содержания, поскольку разнообразие фактических обстоятельств делает невозможным установление их исчерпывающего перечня в законе, а использование законодателем оценочной характеристики преследует цель эффективного применения нормы к неограниченному числу конкретных правовых ситуаций»¹⁹.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Валицкий А.* Философия права русского либерализма. — М. : Мысль, 2012. — 567 с.
2. *Власенко Н. А.* Разумность и определенность в правовом регулировании. — М. : ИНФРА-М, 2014. — 157 с.
3. *Муромцев С. А.* Определение и основное разделение права. — СПб. : ИД С.-Петербург. гос. ун-та, 2004. — 223 с.

¹⁷ *Новгородцев П. И.* Историческая школа юристов. СПб., 1999. С. 17—18. Подробнее о политико-правовых взглядах Новгородцева см.: *Фролова Е. А.* П. И. Новгородцев о праве и государстве. М., 2001.

¹⁸ См., например: *Власенко Н. А.* Разумность и определенность в правовом регулировании. М., 2014. С. 95—96.

¹⁹ См., например: определение Конституционного Суда РФ от 21 февраля 2008 г. № 120-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Яновича Максима Владимировича на нарушение его конституционных прав пунктом 1 статьи 1064, пунктом 1 статьи 1079 и абзацем вторым пункта 2 статьи 1083 Гражданского кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс»; определение Конституционного Суда РФ от 19 марта 2009 г. № 231-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Ильменейкина Павла Вениаминовича на нарушение его конституционных прав подпунктом “а” пункта 3 статьи 51 Федерального закона “О воинской обязанности и военной службе”» // СПС «КонсультантПлюс».

4. Муромцев С. А. Право и справедливость // Сборник правоведения и общественных знаний. — Т. 2. — СПб., 1898. — С. 1—12.
5. Новгородцев П. И. Историческая школа юристов. — СПб. : Лань, 1999. — 188 с.
6. Петражицкий Л. И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. — СПб. : Лань, 2000. — 606 с.
7. Петраков С. В. Тенденции использования оценочных категорий и понятий в ходе нормотворческой деятельности // Журнал правовых и экономических исследований. — 2013. — № 2. — С. 55—58.
8. Рейснер М. А. Теория Л. И. Петражицкого, марксизм и социальная идеология. — СПб. : Тип. т-ва «Обществ. польза», 1908. — 242 с.
9. Рясина А. С. Оценочные категории: общетеоретический и нравственно-правовой аспекты : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Саратов, 2013. — 27 с.
10. Соловьев В. С. Оправдание добра. — М. : Акад. проект, 2010. — 671 с.
11. Фролова Е. А. П. И. Новгородцев о праве и государстве. — М. : МАКС Пресс, 2001. — 138 с.
12. Чичерин Б. Н. Философия права. — М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2011. — 336 с.

Материал поступил в редакцию 12 декабря 2016 г.

JUSTICE AND POSITIVE LAW: PROBLEMS OF INTERRELATION IN RUSSIAN PHILOSOPHY OF LAW IN THE SECOND HALF OF THE XIXTH CENTURY — THE FIRST HALF OF THE XXTH CENTURY

TABAKOV Aleksandr Leonidovich — Postgraduate Student of the Department of the Theory of the State and Law and Political Science at the Law Faculty of the Lomonosov Moscow State University
alexander.tabakov@mail.ru
119991, Russia, Moscow, Leninskie Gory, d. 1

Review. *The article is devoted to the analysis of interrelations between justice and positive law in the Russian philosophy of law in the second half of the XIXth century – the first half of the XXth century. The author considers the views of legal sociologists (L.I. Petrazhitzkiy, M.A. Reisner, S.A. Muromtsev) and supporters of the Natural Law Doctrine (B.N. Chicherin, P.I. Novgorodtsev, V.S. Solovyev). Representatives of the Psychological School of Law (L.I. Petrazhitzkiy, M.A. Reisner) consider justice as intuitive law and, in this sense, oppose it to positive law without denying a certain relationship between them. S.A. Muromtsev, a classic of domestic Sociology of Law, is looking for a center of gravity in public relations. B.N. Chicherin, who was an active proponent of philosophical methodology and supporter of the Theory of Natural Law, believes that justice is rooted in the human mind acting as a tool for assessing positive law determinations. Proponents of the Neo-Kantian Philosophy of Law (P.I. Novgorodtsev, V.S. Solovyev) justify criticism of positive law in terms of a priori principles of morality that are integral parts of the human conscience as a reasonable moral human being. Attention is also given to some contemporary problems of the Theory of Law: In particular, the question is raised concerning admissibility and validity of the so-called evaluation categories in contemporary Russian legislation that include justice.*

Keywords: *Justice, Philosophy of Law, Sociology of Law, Positive Law, Petrazhitzkiy, Reisner, Muromtsev, Chicherin, Novgorodtsev, Solovyev.*

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Valickij A. Filosofiya prava russkogo liberalizma. — М. : Mysl', 2012. — 567 с.
2. Vlasenko N. A. Razumnost' i opredelennost' v pravovom regulirovanii. — М. : INFRA-M, 2014. — 157 с.
3. Muromtsev S. A. Opredelenie i osnovnoe razdelenie prava. — SPb. : ID S.-peterb. gos. un-ta, 2004. — 223 с.
4. Muromtsev S. A. Pravo i spravedlivost' // Sbornik pravovedeniya i obshhestvennykh znaniy. — Т. 2. — SPb., 1898. — С. 1—12.
5. Novgorodtsev P. I. Istoricheskaya shkola yuristov. — SPb. : Lan', 1999. — 188 с.
6. Petrazhitzkiy L. I. Teoriya prava i gosudarstva v svyazi s teoriej nravstvennosti. — SPb. : Lan', 2000. — 606 с.

7. *Petrakov S. V.* Tendencii ispol'zovaniya ocenочnyx kategorij i ponyatij v xode normotvorcheskoj deyatel'nosti // Zhurnal pravovyx i e'konomicheskix issledovanij. — 2013. — №2. — S. 55—58.
8. *Rejsner M. A.* Teoriya L. I. Petrazhickogo, marksizm i social'naya ideologiya. — SPb. : Tip. t-va «Obshhestv. pol'za», 1908. — 242 s.
9. *Ryasina A. S.* Ocenочnye kategorii: obshheteoreticheskij i npravstvenno-pravovoj aspekty : avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. — Saratov, 2013. — 27 s.
10. *Solov'ev V. S.* Opravdanie dobra. — M. : Akad. projekt, 2010. — 671 s.
11. *Frolova E. A.* P. I. Novgorodcev o prave i gosudarstve. — M. : MAKS Press, 2001. — 138 s.
12. *Chicherin B. N.* Filosofiya prava. — M. : Knizhnyj dom «LIBROKOM», 2011. — 336 s.